

DOI 10.25991/VRHGA.2020.19.1.025

УДК 008

А. А. Попов*

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ БАКТРИИ

Актуальность работы заключается в изучении культурных основ современной Центральной Азии, значительной частью которой в древности была Бактрия. Целью статьи является рассмотрение перспектив изучения античной литературной традиции об эллинистической Бактрии, а также памятников материальной культуры. Методы изучения произведений античных классиков базируются на трудах Х. Уайта и Ф. Р. Анкерсмита. Важная часть статьи — разбор источников, на которых основываются наиболее значительные научные исследования об эллинистической Бактрии. Делается акцент на сочинениях Полибия, Помпея Трога (Юстина), Страбона. Особое внимание уделяется их историософским взглядам, через призму которых следует изучать их наследие. Актуальность их трудов всегда будет неизменна, а информация, содержащаяся в них, до сих пор представляет огромный интерес для ученых.

Ключевые слова: эллинистический период, эллинистическая культура, Бактрия, Греко-Бактрия, Полибий, Помпей Трог, Страбон, Юстин.

A. A. Popov

PERSPECTIVE OF THE STUDY OF THE HELLENISTIC BACTRIA CULTURE

The actuality of this research is the studying of the cultural foundations of the modern Central Asia, the main part of which in antiquity was Bactria. The aim of the article is the examination of the studying perspective of the antique literary tradition about Hellenistic Bactria and artefacts as well. The studying methods of the classical authors' literature are based on the works by H. White and F. R. Ankersmit. The main part of the article is the analysis of the sources, on which the most important scientific researches about Hellenistic Bactria are based on. The emphasis is placed on the works by Polybius, Pompeius Trogus and Strabo. The particular attention is given to their historiosophical views, by means of which should be studied their heritage. The actuality of their works will be always unchangeable,

---

* Попов Артем Анатольевич, доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и петербурговедения Санкт-Петербургского государственного института культуры; artempopovspb@gmail.com

and information, contained in these works, represents the enormous interest to the scientists up to now.

Keywords: Hellenistic period, Hellenistic culture, Bactria, Greco-Bactria, Polybius, Pompeius Trogus, Strabo, Justinus.

В современной науке постепенно формируется трезвый взгляд на культурно-исторические процессы. Ученые-гуманитарии, откликаясь на вызовы современности, постепенно отходят от крайних оценок взаимодействия различных культурных полюсов к более взвешенным [17, с. 14]. Примером может служить эпоха эллинизма, начавшаяся с македонского царя Александра Великого. Межцивилизационные взаимоотношения Запада и Востока ойкумены в эллинистическую эпоху (IV–I вв. до н. э.) показывают отход от принципа «оцивилизывания» более «отсталых варваров» со стороны «просвещенных» эллинов и римлян. Происходит переход к договору о взаимодействии в рамках внутрисосударственных отношений между победившими и проигравшими и в ходе межгосударственных контактов. Представители греко-римской элиты пришли к более эффективным методам сотрудничества, основанным на добровольности и взаимных обязательствах [16, с. 271–285]. Если этого не происходило или это не учитывалось, крах системы и государственности был обеспечен. Таким образом, актуальные проблемы построения новых иерархических систем, включая межэтнические, межконфессиональные, межсословные и др., могут решаться на основе уже пройденного опыта в истории мировой культуры.

Бактрия является регионом, включавшим срединную часть Евразии: современный Афганистан и южные части Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана. Различные культурные явления, происходящие в этих странах, рано или поздно отражаются не только на близлежащих территориях, но и на самых, казалось бы, отдаленных окраинах Старого Света, а сегодня и мира в целом в связи с процессами т. н. глобализации.

Эллинизм — время существенных ментальных изменений. С кризисом, а подчас и крушением прежних цивилизационных институтов архаического и классического периодов, после походов Александра расширились не только географические, но и ментальные горизонты. Как точно отметили отечественные историки античной культуры А. В. Хазина и Д. А. Строганов, стало необходимым «вступить с ним в доверительный интимный диалог» [18, с. 15].

Методика современных исследований должна учитывать даже такие иррациональные доктрины, как астрология и оккультизм, активно развивавшиеся в эллинистическое время [18, с. 14]. Сегодня культура переживает «парадигмальный сдвиг». Происходит переход от внешнего к внутреннему контролю своего поведения на основе общего понимания со стороны каждого субъекта взаимодействия [8, с. 23]. В этих обстоятельствах каждый имеет право на собственную точку зрения или трактовку [8, с. 24]. Постиндустриальное потребительское общество признало личность высшей ценностью и создало «культ неограниченного индивидуализма». Снова стоит важнейший культурный вопрос о том, чем или кем является человек [9, с. 16].

В связи с этим современный ученый-гуманитарий должен отдавать себе отчет в важности такого направления, как философия науки, и связанного

с ней психоанализа. Рефлексия на идеи структурализма, в частности, М. Фуко, со стороны культурных антропологов Х. Уайта и Ф. Р. Анкерсмита стала основой для нового «лингвистического поворота» в историографии. Сегодня любое культурологическое исследование должно быть воспринято как текст, который имеет автора, являющегося частью конкретной цивилизационной ситуации и подверженного влиянию окружающего мира.

Для Х. Уайта важна методика «процесса создания смысла» [14, с. 10]. К тому же следует учитывать эволюцию мировой культуры и, в связи с этим, изменение компетенций изучающей подобную литературу «публики», «увеличение или потускнение престижа» этих сочинений [14, с. 498]. Градус проблемы увеличивается из-за «интеллектуального алкоголизма» во время перепроизводства научной гуманитарной литературы, связанной с историческими дисциплинами [1, с. 317–318]. Тем не менее идеи таких теоретиков, как Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш. де Монтескье, и ныне вызывают интерес, т. к. «они сумели концептуально осмыслить» актуальные тогда проблемы. Их теоретические разработки были нацелены на решение «конкретной и неотложной» политической задачи и способствовали установлению нового баланса политических сил [2, с. 19].

Именно эпоха Просвещения дала мощнейший толчок для изучения эллинистической Бактрии, начавшегося с работ Ж. Фуа-Вайяна во Франции и Г. З. Байера в России. Основываясь преимущественно на античной литературной традиции, французский просветитель и путешественник времени Людовика XIV Ж. Фуа-Вайян в своей работе по истории Парфии дал первую канву политической истории Греко-Бактрии. Она изложена в первой части под названием «Анналы Аршакидов» [20, р. 1–5] и в последующей, посвященной правлению отдельных парфянских царей [20, р. 2–3, 13, 27–28, 34, 37, 39–41, 43–44]. Первый российский академик-гуманитарий, автор «норманнской теории» Г. З. Байер, привлекая обширные сочинения Нового времени, посвященные Азии, создает первый специальный труд об эллинистических государствах в Бактрии и Индии. Также он публикует нумизматические памятники, относящиеся к Греко-Бактрии [19, р. 99–100, fig. 1].

В первой половине XVIII в. основу для реконструкции реалий эллинистической Бактрии составляли творения выдающихся античных литераторов — Полибия, Помпея Трога и Страбона. Ко времени Просвещения не были еще накоплены нумизматический материал, который стал масштабно появляться в XIX в., и данные археологии, которые перевернули представления о культуре Бактрии эпохи эллинизма во второй половине XX в. Впоследствии были найдены грандиозные клады монет, относящиеся к правлению греко-бактрийских и индо-греческих царей. Один из них, насчитывающий ок. 550 000 единиц, был открыт в 1994 г. в пакистанском селении Мир-Зака и исследован выдающимся специалистом по культуре Центральной Азии и Индии эллинистического периода О. Бопеараччи [21, р. 141–142, fig. 19]. Ныне на территории древней Бактрии открыты античные города и мощные фортификационные сооружения, великолепные храмовые комплексы и статуи. Французские ученые под руководством П. Бернара изучили эллинистический полис в Ай-Ханум, советские археологи Б. А. Литвинский и И. Р. Пичикян исследовали храм Окса, а Э. В. Ртвеладзе — цитадель Кампыртепа. Круглая пластика, рельефы, стату-

этски, найденные в археологических комплексах, восходят к школам Лисиппа и Леохара, Скопаса и Праксителя.

Значительный объем нумизматики позволяет рассмотреть многие культурные явления. Изображения на эллинистических монетах Бактрии и Индии рассказывают нам о религии: царском культе, олимпийской и буддийской религиозности. Они имеют легенды не только на греческом языке, но и на индийских, что говорит о культурных, политических, экономических взаимодействиях в эту эпоху.

Храмы, найденные на территории Афганистана, Узбекистана и Таджикистана, рассказывают нам не только о типичных иранских культах или о греческой религиозности, но и о религиозном синкретизме времени эллинизма. Укрепленные города и крепости зримо показывают особенности фортификационного искусства, создают целостный облик оборонительных систем внутри и на границах. Мы можем говорить о своего рода согдийском лимесе на северных границах Греко-Бактрии, состоящем из системы коммуникаций, дорог, крепостей и стен. Эти укрепления были созданы для защиты от кочевых скифских племен.

При столь масштабном объеме памятников материальной культуры стоит вопрос о документах — письменных свидетелях прошлого. Накоплен относительно небольшой пласт эпиграфики [21, р. 113–134]. Они освещают не только сюжеты, связанные с религией, наукой, образованием, литературой, но и свидетельствуют о социально-экономической, политической и правовой обстановке.

Современные методики позволяют по-иному взглянуть на многие данные материальной культуры, например, уточнить датировку. Генетический анализ антропологического материала дает богатейшую информацию о миграционных и иных процессах этнической истории.

При этом надо осознавать угрозу исчезновения многих памятников материальной культуры, уже известных нам. Сегодня в связи с проявлениями различных форм экстремизма гибнут шедевры мировой культуры в Афганистане. Многие из нас до сих пор не осознали всю полноту «трагедии, которая постигла прошлое афганского народа» [5, с. 7]. Достаточно вспомнить уничтожение талибами изображений Будды в Бамиане или кровавую охоту за «бактрийским золотом» из Тилля-тепе. Сохранение культурного наследия — одна из многих сегодняшних проблем региона. Без его сохранения сложно говорить о самоидентификации, понимании культурного базиса, перспектив на будущее.

По этой причине значимость литературных источников сложно переоценить. Они не могут быть подвергнуты уничтожению со стороны вандалов. Знаменитый памятник индийской литературы «Милиндапаньха» описывает многие реалии индо-греческого государства под управлением царя Менандра. Китайские источники — «Ши цзи» Сыма Цяня и «Хань шу» Бань Гу — проливают свет на международные отношения накануне крушения Греко-бактрийского царства.

Полибия, Помпей Трога, Страбона, как и упомянутых выше деятелей Просвещения, следует отнести к теоретикам своего времени. Эти античные авторы не были чужды т. н. прагматической истории, поэтому их сочинения

важны для осознания эллинистическо-римского времени и не утратят своей актуальности.

Полибий (II в. до н. э.), греческий историк, долго проживший в Риме, попытался понять и объяснить объективно различные взаимосвязи этносов и цивилизаций, правителей и элит, создать «принципиально новое по типу историческое сочинение» — «Всеобщую историю» [4, с. 23].

Взгляды Полибия свидетельствуют скорее в пользу электизма. Он интересовался политикой и влияющей на государственные институты этикой. Философские взгляды Полибия кажутся поверхностными, а речевые обороты находятся на уровне «античной школьной риторики» [13, с. 98]. При этом, касаясь его взглядов о государстве, нельзя сказать, что он не строит своих концепций. Полибий рисует тиранов, формирование их личностей, деяния и неизменное крушение. Он описывает элиты, деградирующие до олигархий из-за неумеренных амбиций, показывает демократию, превращающуюся в охлократию.

Описание Полибием войны селевкидского царя Антиоха III и греко-бактрийского правителя Евтидема I весьма показательны. Сначала он рисует облик смелого и справедливого Селевкида. Потом показывает моральное падение Антиоха. Это становится причиной несправедливой войны с юным Птолемеем.

Присутствует возможность обнаружения дополнительной информации об эллинистической Бактрии, в недошедших отрывках «Всеобщей истории» Полибия [4, с. 23]. Текст этого произведения написан при соблюдении хронологии. Так как война между Антиохом и Евтидемом затянулась более, чем на год, она описана в разных частях сочинения. Пассажи о ней расположены в конце X и конце XI книг (Polyb. X, 49; XI, 34) [7, с. 150–151, 176]. Война шла достаточно длительное время (208–206 гг. до н. э.). При этом описаны достаточно подробно только два события: битва на р. Арий и осада Бактр.

В связи с этим можно предположить обнаружение интересной информации о пути следования армии Антиоха и других событий войны, которые происходили по дороге от современного Герата до современного Балха. Существует вероятность описания деяний Деметрия I, сына Евтидема I, и Екратиды I — царей Греко-Бактрии, правивших в первой половине II в. до н. э. Во-первых, о Деметрии Полибий говорит в рассказе о договоре между Евтидемом и Антиохом. Во-вторых, Екратид воевал с Парфией, о чем свидетельствуют другие источники. Парфянская тема была весьма актуальна для истории Рима. Поэтому есть шанс найти сообщение о первых этапах греко-бактрийской независимости, связанной с первой династией Диодотидов.

Время жизни Помпея Трога и Страбона совпадает с «золотым веком» Августа. Карта на портике Агриппы показывала все величие Рима, чье господство простерлось до границ Индии. «Обитаемый мир» стал римским [15, с. 48].

Помпей Трог (I в. до н. э. — I в. н. э.), римский историк, чье сочинение «История Филиппа» дошло до нас в «Эпитоме», извлечениях Марка Юниана Юстина, автора III в. н. э. В литературном труде Помпея Трога основной сюжет посвящен правлению македонских царей Филиппа II и Александра III Великого. При этом его занимали сюжеты, приведшие к падению царств при преемниках этих монархов. Последовавшие после смерти Александра события заключают в себе причины краха эллинистических монархий [3, с. 6].

Грандиозную работу Помпея Трога можно назвать «Величие и падение Македонии». Под словом «Македония» здесь следует понимать династии, возводившие свое происхождение к Филиппу и Александру. В этом случае имеются ввиду даже мифологические и условные династические связи.

В подтверждение этого заметим, что в «извлечениях» Юстина из XLI книги говорится о том, что после смерти Александра во время передела его державы «никто из македонян не пожелал снизойти до управления парфянами», поэтому она была передана «союзнику и иноземцу» Стаганору (Стасанору) (Just. XLI, 4, 1) [6, с. 221]. В другом пассаже этой же книги сказано об отпадении парфян от «Македонской державы» (Just. XLI, 2, 1) [6, с. 220]. В самом же начале книги рисуется на первый взгляд простая диспозиция. В соответствии с ней парфяне и римляне «разделили между собой весь мир», «в настоящее время» Парфия владычествует на Востоке ойкумены, и Рим — на Западе. Однако парфянские цари имеют низкое происхождение — «от скифских изгнанников» (Just. XLI, 1, 1) [6, с. 219], поэтому римские правители, благородные по происхождению, возводящие родословную к Энею, Венере и Юпитеру, должны господствовать над «варварами-скифами», т. е. Аршакидами. Конец XLII книги, посвященной Парфии, заканчивается описанием капитуляции парфянского царя Фраата IV, который отдает Августу «в качестве заложников сыновей и внуков». При этом римский император добивается лишь «одним величием своего имени» большего, нежели «любой другой полководец смог бы добиться оружием» (Just. XLII, 5, 12) [6, с. 227].

XLI и XLII книги прежде всего связаны с историей Парфии, противницы Рима. Это обстоятельство кажется неслучайным. На мой взгляд, мы можем говорить о наличии у автора историософской задачи. В начале пролога к XLI книге в переложении Юстина говорится, что в ней «содержится история Парфии и Бактрии» [6, с. 248].

Исходя из данных, изложенных в рассматриваемом прологе, финалом этой книги Помпея Трога служит рассказ о последних индо-греческих царствах, «деяниях, совершенных в Индии ее царями Аполлодотом и Менандром» [6, с. 248]. В сегодняшней историографии концепция финальной стадии эллинизма часто связана с гибелью египетской царицы Клеопатры VII Великой, описанной Помпеем Трогом в конце предыдущей XL книги. Можно сказать, что античный автор смотрел на конец эллинистической истории не только в пределах Средиземноморья. Ведь власть эллинов в Индии пресеклась лишь в начале новой эры [6, с. 248].

Панегерические оценки Рима со стороны Помпея Трога очевидны. Присутствуют в его сочинении сравнительные параллели по отношению к Македонии и Риму: Филипп — Александр, Цезарь — Август; по отношению к Бактрии и Парфии: Диодот — Арсак, Евкратид — Митридат. Одни правители сменяют других, одни империи сменяют другие. На место македонских династий пришли римляне и парфяне, но останутся только римляне — вот краткий историософский вывод Помпея Трога. Парфия для него, подобно Карфагену для Катона, «должна быть разрушена».

Существует лишь призрачная возможность увидеть полностью сочинение Помпея Трога, т. к. «Эпитома» Юстина — это концептуально

продуманный целостный текст. Однако если это произойдет, некоторые подробности культурной жизни эллинистической Бактрии следует воспринять через призму прагматических идей Помпея Трога, заимствованных частично у Полибия.

Основным источником при описании бактрийских и парфянских реалий для Помпея Трога, по-видимому, был Аполлодор из Артемиды, создавший «Парфику» («Парфянскую историю») в I в. до н. э. Этим же источником пользовался и Страбон (I в. до н. э. — I в. н. э.). Он дает прямые ссылки на него и его труд в своей «Географии» (Strabo XI, 11, 1; XV, 1, 3) [11, с. 488, 639]. Помимо этого, Страбон при описании эллинистической Бактрии использует сочинение Онесикрита из Астипалеи (IV–III вв. до н. э.), участника походов Александра Великого.

Географический нарратив Страбона посвящен «колоссальному, которое затрагивает явления огромной важности и весь мир» (Strabo I, 1, 23) [11, с. 19]. Его сочинение заслуживает уважения и внимания даже по причине своей монументальности [22, р. 5–26]. Для Страбона география является синтетической наукой, которая дает универсальные знания о сущем [10, с. 186].

Страбон, представитель римской элиты, адресовал свое произведение читателю из элитарной среды. В связи с этим он конструировал свой труд исходя из прагматических идей [10, с. 187]. Панегерический характер «Географии» очевиден. Ее автор восхваляет Рим и императора Августа. Он адресовал свою работу идеальному политику.

Имеются перспективы обнаружения новых текстов Страбона о культуре эллинистической Бактрии при описании парфянских реалий. Касаясь последних, автор говорит, что «сообщил уже много сведений о парфянских обычаях» в «Исторических записках» и в «Истории событий после Полибия» (Strabo XI, 9, 3) [11, с. 487]. Так как Страбон одно из своих творений посвятил событиям, произошедшим от взятия Карфагена и Коринфа до сражения при Акции, в эти временные рамки могли укладываться и некоторые бактрийские события [12, с. 777].

«География» задумывалась Страбоном как продолжение его исторических произведений. Окончание работы над ней приходится примерно на 7 г. до н. э. Страбону было 70 лет. Есть вероятность, что автор ее не увидел, и труд вышел уже после его кончины [12, с. 778].

Идея, объединяющая Полибия, Помпея Трога и Страбона, заключается в создании прагматических сочинений, направленных на возвеличивание Римского государства. Изысканная литературная форма, насыщенная эффектными оборотами, была свойственна античной историографии. Античные идеи о решающей роли природно-географической среды в подготовленности народа к созданию правого государства способствовали созданию доктрины европоцентризма в эпоху Просвещения [10, р. 184, 193]. Эти тенденции следует учитывать при изучении рассмотренных выше литературных произведений.

Дошедшие до нас в сильно фрагментированном виде литературные произведения античности, например, сочинения Онесикрита из Астипалеи или Аполлодора из Артемиды, хранят в себе много информации о культуре эллинистического времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Кашаева. — М., 2003. — 496 с.
2. Анкерсмит Ф. Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. И. Борисовой. — М., 2012. — 432 с.
3. Зельин К. К. Помпей Трог и его произведение «*Historiae Philippicae*» // М. Юниан Юстин. Эпитома сочинений Помпея Трога «*Historiae Philippicae*» / пер. с лат. А. А. Деконского, М. И. Рижского; под ред. М. Е. Грабарь-Пассек; комм. К. В. Вержбицкого, М. М. Холода; вс. ст. К. К. Зельина. — СПб., 2005. — С. 5–33.
4. Кашеев В. И. Полибий и его «прагматическая история» // Античный мир и археология. — Вып. 11. — Саратов, 2002. — С. 23–30.
5. Кошеленко Г. А., Мунчаев Р. М., Гаибов В. А. Археология Афганистана в дни мира и войны. — М., 2014. — 164 с.
6. М. Юниан Юстин. Эпитома сочинений Помпея Трога «*Historiae Philippicae*» / пер. с лат. А. А. Деконского, М. И. Рижского; под ред. М. Е. Грабарь-Пассек; комм. К. В. Вержбицкого, М. М. Холода; вс. ст. К. К. Зельина. — СПб., 2005. — 493 с.
7. Полибий. Всеобщая история / пер., вступ. ст. и комм. Ф. Г. Мищенко, отв. ред. и вступ. ст. А. Я. Тыжова. В 3-х т. — 2-е изд. — Т. 2. — СПб., 1995. — 424 с.
8. Пугачева Л. Г. Парадигматический сдвиг: от классической культуры «интерпретации» к постклассической культуре «понимания» // Вестник Московского государственного ун-та культуры и искусств. — 2019. — № 1 (87). — С. 17–24.
9. Сараф М. Я., Сараф С. М. Логика культуры и технико-технологический прогресс: цивилизационные противоречия // Вестник Московского государственного ун-та культуры и искусств. — 2019. — № 1 (87). — С. 10–16.
10. Соколова Е. С. Образы памяти в античной политико-правовой традиции: о мемориальных истоках возникновения географической доктрины // Российский юридический журнал. — 2013. — № 2 (89). — С. 180–193.
11. Страбон. География: в 17 кн. / пер., статья и комм. Г. А. Стратановского, под общ. ред. С. Л. Утченко, ред. пер. О. О. Крюгер. 2-е изд. — М., 1994. — 944 с.
12. Стратановский Г. А. Страбон и его «География» // Страбон. География: в 17 кн. / пер., статья и комм. Г. А. Стратановского, под общ. ред. С. Л. Утченко, ред. пер. О. О. Крюгер. 2-е изд. — М., 1994. — С. 775–790.
13. Тыжов А. Я. К вопросу о философской принадлежности историка Полибия // Альманах современной науки и образования. — 2016. — № 1 (103). — С. 95–98.
14. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / пер. с англ.; под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитоновой. — Екатеринбург, 2002. — 528 с.
15. Феррари Ж.-Л. Восток и Запад «ойкумены» от Александра Великого до Августа: история и историография // Вестник древней истории. — 1998. — № 2. — С. 32–50.
16. Хазина А. В. Антиномия «свой-чужой» в историческом нарративе: взгляд эллинистической историографии // Диалог со временем. — 2012. — № 39. — С. 271–285.
17. Хазина А. В., Строганов Д. А. Глобализация как объект исторического анализа: уроки эллинизма // Научные ведомости Белгородского государственного ун-та. Сер. История. Политология. — 2015. — № 19 (216). — Вып. 36. — С. 12–14.
18. Хазина А. В., Строганов Д. А. Эллинизм в опыте ментальной идентификации // Научные ведомости Белгородского государственного ун-та. Сер. История. Политология. — 2016. — № 8 (229). — Вып. 38. — С. 12–15.
19. Bayer Th. S. *Historia regni Graecorum Bactriani*. — Petropoli, 1738. — 270 p.

20. Foy-Vaillant J. *Arsacidarum Imperium, sive Regum Parthorum Historia: Ad fidem Numismatum accommodata.* — Parisiis, 1725. — 521 p.

21. Holt F. L. *Lost World of the Golden King: In Search of Ancient Afghanistan.* — Berkeley; Los Angeles; London, 2012. — 368 p.

22. Potheary S. Kolossourgia. 'A colossal statue of a work' // *Strabo's Cultural Geography. The Making of a Kolossourgia* / ed. by D. Dueck, H. Lindsay, S. Potheary. — Cambridge, 2005. — P. 5–26.